Противники понесли одинаковые потери – примерно по тысяче человек. Трофеев французы не захватили.

Лучеса, 15 июля. Бой на рубеже р. Лучесы у Витебска (ныне в черте города) произошел 15(27) июля 1812 года. Здесь в жестокой схватке сошлись авангард центральной группировки «Великой армии» (32 батальона, 44 эскадрона, 62 орудия, ок.24 000 человек) под командованием маршала И. Мюрата (в присутствии императора Наполеона) и арьергард 1-й Западной армии (12 батальонов, 36 эскадронов, 6 казачьих сотен, 40 орудий, ок.7 000 человек) под командованием генерал-майора П. П. Палена.

Вечером 14 июля к Витебску подтянулись все соединения 1-й Западной армии. Ожидался подход с юга войск П. И. Багратиона, после чего планировалось дать Наполеону генеральное сражение. Когда дислокация к битве была уже составлена и начала рассылаться в корпуса, в штаб армии прибыл адъютант главнокомандующего 2-й Западной армии поручик А. С. Меншиков с известием, что прорыв через Могилев не удался и армия отходит на Смоленск. Немедленно собрался Военный совет, который, учитывая сложившуюся обстановку, принял решение о немедленном отступлении к Смоленску.

Прикрывать отход было поручено арьергарду под командованием генерал-майора П. П. Палена. Ночью, до наступления рассвета, его войска заняли позиции на левом берегу Лучесы, примерно в 6 км. от Витебска. К. Клаузевиц, осматривавший их перед боем, отметил, что правый фланг упирался в Западную Двину, а «...фронт был прикрыт небольшим ручьем, ... между краем долины, довольно густо поросшим деревьями и кустарником, и рекой, находилась небольшая равнина... Высоты были заняты пехотой и артиллерией. ...На левом фланге не было какого-либо опорного пункта, что было естественно, так как при столь коротком фронте нелегко найти опору для обоих флангов; поэтому при полном отсутствии резервов и неглубоком построении всякий охват нашего левого фланга представлял большую опасность. Многочисленные участки леса и кустарника, находившиеся как на самой позиции, так и вокруг нее, препятствовали обзору и этим еще больше ухудшали положение».

Общее протяжение позиции с юга на север составляло около 2,5 км. Русская пехота была выстроена по обеим сторонам тракта в две линии, основная масса кавалерии – в центре, на равнине, в шахматном порядке. Драгуны полковника К.А. Крейца занимали левый фланг. «...Пришлось принять очень неглубокое построение, – писал К. Клаузевиц, – хотя и в две линии, но с большими интервалами между батальонами». Резервов не было.

По воспоминаниям бригадного генерала Ф. Сегюра, Наполеон прибыл на свои аванпосты еще до рассвета. Бой начался с перестрелки на заре, когда пехота генерала Ж. Брусье двинулась вперед. Дальнейший ход боя описал его участник Ц. Ложье. «...На рассвете итальянские войска двинулись далее... При восходе солнца мы заметили отступавший эшелонами неприятельский арьергард. Он между тем остановился, не доходя до Лучесы, на удачно выбранной позиции... Лес, весь занятый пехотой и артиллерией и глубокий ров защищают его фронт. Бригадный генерал Бертран де Сиврэ с 18-м легким полком, тремя ротами стрелков и бригадой легкой кавалерии развертывается направо и занимает высоты над большой дорогой. Генерал захватывает занятую русскими влево от их цепи деревню. Русские отступают тогда до краев рва и сжигают мост, по которому перешли. Генерал Брусье, пользуясь этим отступлением, восстанавливает мост, переходит по нему со своей дивизией и образует впереди из своих полков, расставленных эшелонами, двойное каре, под прикрытием сильного огня своей артиллерии. ...16-й полк конных стрелков, под предводительством генерала Пирэ, а перед ним две роты 9-го пехотного полка с капитанами Гийаром и Савари первые перешли мост».

Наполеон, по воспоминаниям его главного квартирмейстера, устроил свой командный пункт на маленьком, отдельно стоящем холмике на краю оврага, вблизи моста и слева от большой дороги. «...Оттуда, – пишет далее Ф. Сегюр, – он мог видеть обе армии, и, поместившись сбоку от поля битвы, мог наблюдать ее, как секундант наблюдает дуэль». На его глазах наступавшая кавалерия И. Пирэ попала под убийственный огонь замаскированных русских батарей, смешалась и остановилась. Тут же ее контратаковала русская кавалерия. Не двигаясь с места, конноегеря подпустили их на 30 шагов, дали залп,

но их строй тут же был смят, и французская кавалерия показала противнику спину. «...Их настигли, – пишет Ф. Сегюр, – и опрокинули в овраги, на дне которых многие погибли. При виде этого Мюрат, вне себя от огорчения, бросился с саблей наголо в битву, вместе с шестьюдесятью офицерами и конницей, окружающей его. Его дерзость поразила русских уланов, и они остановились. Во время сражения один из ординарцев спас Мюрату жизнь, отрубив руку врага, уже занесенную над его головой». По воспоминанию другого очевидца, русские едва не прорвались к императорскому шатру, при этом «...под казаком Авдеевым убита была свитою лошадь в самом близком расстоянии и он, весь израненный, был приведен к Наполеону для объяснений».

Бежавших конноегерей прикрыла французская артиллерия и вольтижеры 9-го полка, которые, не будет преувеличением сказать, покрыли себя в этом бою славой. «...Их окружили, – пишет Ц. Ложье, – и мы думали, что они погибли, но эти храбрецы, сомкнувшись плотной массой, воспользовались всеми преимуществами, какие давала им почва, и оказали такое решительное сопротивление, что дали время кавалеристам 16-го полка собраться... Между тем остальная армия, расположенная амфитеатром на холме, со жгучим интересом следила за этой славной борьбой и своими криками ободряла храбрых вольтижеров 9-го полка. Император велел им сказать, что все они достойны знаков отличия». Этот эпизод упоминается и в мемуарах Л. Лабома. «...Наполеон, бывший свидетелем этого славного подвига, послал спросить, к какому корпусу принадлежат эти солдаты; они ответили: «К 9-му полку, и три четверти сыны Парижа!» – «Скажите им, – ответил император, – что они храбрецы и все заслуживают крест».

Между тем, на казаков и гусар навалилась вся дивизия Ж. Брусье и, как вспоминал В. В. Орлов-Денисов, «...назад проскакивали по одному, так силен был огонь с двух сторон». 14-я пехотная дивизия, перейдя лощину, атаковала русских по всему фронту, а 13-я, поддерживаемая крупными силами кавалерии, двинулась в обход их левого фланга. Наступил критический момент боя. По всему фронту закипели ожесточенные схватки, в одной из которых отличился священник 19-го егерского полка о. Василий Васильковский. Позже начальник 24-й

пехотной дивизии генерал-майор П.Г. Лихачав сообщил в святейший Синод, что он «...во время бывшего 15 июля 1812 года близ г. Витебска сражения по искреннему его усердию находился при начале оного впереди с крестом, благословлял полк, которым в самом жарком огне, поощряя всех на побеждение неприятеля, и исповедовал тяжело раненых, где от рикошета ядра... получил рану, но с оною находился еще в сражении, пока вторично получил в крест, бывший у него на груди, удар пулею и от оной сильную в грудь контузию...».

Около 15 часов дня на правом берегу Двины показалось несколько французских колонн, направлявшихся к Витебску. Генерал-майор П.П. Пален, опасаясь угрозы окружения и видя, что против численного превосходства противника не устоять, отдал своим войскам приказ отходить за Лучесу.

Отступление прикрывала часть егерей и кавалерия полковника К.А. Крейца. Этот ровесник А. Дельзона (обоим было по 37 лет), родившийся в белорусском городе Речица сын курляндского ротмистра на польской службе, уступал французскому генералу весом эполет, но не в мужестве и доблести. «... Всякий полк несколько раз ходил в атаку, – вспоминал он, – и не допустил неприятеля утвердиться на правом берегу реки, отталкивая оного в воду. Сумский полк дрался отлично и много потерял...». К 17 часам все русские полки отошли за Лучесу и прочно закрепились на ее восточном берегу.

День подходил к концу. «...Наполеон отправляется со своим штабом, – читаем у Ц. Ложье, – на небольшой холм позади центра императорской армии. Отсюда ему удобно рассматривать русскую армию». Действительно, в подзорную трубу можно было рассмотреть не только русские позиции на правом берегу Лучесы, но и дым с биваков главных сил русской армии. Император решил, что русский главнокомандующий готовится к генеральному сражению, и занялся устройством своих войск и подтягиванием отставших частей. Его уверенность еще больше окрепла, когда в наступившей тьме ярко засверкали огни множества костров в стороне русского лагеря. Наполеон и не подозревал, что эти огни поддерживаются специально оставленным казачьим отрядом, а русские полки, соблюдая полную тишину, уже начали движение тремя колоннами к Смоленску. Справедливости ради нужно отметить, что этот отход явился

неожиданностью и для многих в русской армии. «Слушая пушечные выстрелы сражающегося авангарда, – пишет в своих воспоминаниях А.С. Норов, тогда прапорщик артиллерии, – и глядя на застилаемый дымом горизонт, мы уже рассуждали с нашей батареи, поставленной на небольшом возвышении, как мы будем обстреливать наступающие на нас колонны, и рассчитывали с нашими фейерверкерами по глазомеру, какой пункт удобен для дальней и какой для ближней картечи, как вдруг получили повеление сниматься с позиции. Помню наш ропот...». В полночь скрытно отошел и арьергард П.П. Палена, присоединившийся затем к главным силам армии.

План разгрома русских армий поодиночке провалился. Русские до вечера успешно сдерживали натиск противника, что позволило главным силам 1-й Западной армии скрытно начать отход к Смоленску.

Потери обеих армий в этом бою можно оценить лишь приблизительно, очевидно, они составляли по 700–900 человек. Дело в том, что русское командование вело общий подсчет потерь за все три дня боев у Витебска. Всего, таким образом, они составили 3 919 человека, четверть из них – безвозвратные. Французские источники оценивают свои потери за 13–15 июля в 3 704 человека.